

СИСТЕМА ПРОШЕДШИХ ВРЕМЁН ГЛАГОЛА В ПОСТНИКОВСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ: СТРУКТУРА И ЗНАЧЕНИЕ

Анотація. У статті розглядаються особливості структури та значення минулих часів дієслова, зафіксованих у старорусській пам'ятці середини XVI століття. Автор переконливо доводить руйнацію церковнослов'янської норми вживання цієї граматичної категорії під впливом живої розмовної мови.

Ключові слова: аорист, імперфект, перфект, л-форма, плюсквамперфект, церковнослов'янська норма, розмовна мова.

В исторической русистике большое внимание традиционно уделяется употреблению прошедших времен в древнерусских летописях. И это неудивительно: будучи важнейшим источником для изучения древнерусского языка, летописи представляют собой повествование в прошедшем времени, в котором основными нарративными единицами являются претериты, составляющие, тем самым, языковой «костяк» повествования. По мнению В.М. Живова, «летописи написаны на гибридном церковнославянском языке, в котором употребляются как книжные, так и некнижные элементы» [2: 54], поэтому при обращении к материалу древнерусских летописей на первый план выносятся проблема соотношения книжного и некнижного языков. Все вышесказанное предопределяет актуальность представленного в данной статье исследования, целью которого является определение особенностей употребления прошедших времен в тексте Постниковского летописца с точки зрения степени отражения (1) книжной, церковнославянской, нормы и (2) новых явлений, характерных для старорусского языка. Настоящая статья является частью нашей диссертационной работы, посвященной особенностям предикативной структуры текста старорусских летописей середины XVI – начала XVII вв. Объектом нашего исследования послужил текст Постниковского летописца (далее – ПЛ) [9]. Этот летописец был найден и опубликован в части за 1533-1547 гг. М.Н. Тихомировым. Текст представляет собой набор погодных записей, в которых фиксируются наиболее значимые, с точки зрения автора, события: смена и рождение царей, вступление на престол патриархов и их смерть, военные завоевания, стихийные бедствия и другие факты истории России.

Автор летописца обнаруживает хорошее знание придворных событий этого времени, военных и посольских дел, особенно связанных с Литвой и Казанью. Писал записки дипломат или военный, а отнюдь не духовное лицо, хотя порой и указывается, на память какого святого случилось то или иное событие. Н.М. Тихомиров считает автором ПЛ известного великокняжеского дьяка Постника Губина Маклакова, именем которого и назван летописец [11: 279]. Как памятник позднего русского летописания ПЛ представляет несомненный интерес и для филологов.

Традиционно считается, что в древнерусском языке в систему прошедших времен входили четыре времени – аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект, имевшие как формальные, так и семантические различия [3: 339]. Все эти времена отражены в анализируемом тексте. Рассмотрим особенности использования каждого из указанных времен, за исключением плюсквамперфекта, который в ПЛ представлен всего одним примером: *Того же лета, июля Махмат, царевич крымской, пошел был на Рязань <...> и возвратися* [9: 11].

1. АОРИСТ

По своему грамматическому значению аорист обычно характеризуется как форма, используемая прежде всего для изложения последовательности событий в прошлом. При этом аорист мог образовываться от основ как совершенного, так и несовершенного вида: в первом случае он обозначал «точечные» события, а во втором – процессы и состояния ограниченной длительности [1: 286]. В исходной системе древнерусского языка представлены все три типа аориста, однако от простого аориста сохранились только отдельные формы. Эти особенности характерны и для ПЛ, в котором мы зафиксировали 625 форм аориста, что составляет 45% от общего количества форм прошедших времен. Характерно, что в анализируемом тексте даны только формы аориста 3-го лица ед. и мн. числа. Нами зафиксирован лишь один пример аориста в форме 1-го лица мн. числа: *И яко же слышияхом о том от достоверных, паче же от самех татар* [9: 12]. В тексте ПЛ имеются формы аориста, образованные как от основ совершенного (СВ), так и несовершенного вида (НСВ), причём формы аориста от основ НСВ представлены гораздо меньшим количеством примеров. Проиллюстрируем данное положение примерами: **1. Основы СВ:** *Тое же осени октября в 27 день в 1 час ноци преставися* (сигматический нетематический аорист) *благочестивый христолюбивый великий князь Иван Васильевич всеа Руси, <...> а всех лет поживе* (простой аорист) *66 лет 9 месяцев* [9: 9]⁸; **2. Основы НСВ:** *Они же воеваша* (сигмат. нетем. аорист) *и плениша многие места по самую Вильну <...> и за Вильну* [13]; *По отпущении же боже-*

⁸ В дальнейшем около цитируемых примеров указывается только страница данного издания.

ственные литургии **несоия** (сигмат. тематический аорист) великого князя в келью [19].

В ПЛ преобладает употребление аориста в исконно присущем этой форме значению – как средства «указания на действие (состояние), целиком отнесенное к прошлому и представляемое как единый, нерасчленённый акт». Аорист обычно обозначает события, последовательно сменявшие друг друга в прошлом, поэтому, отмечает Г.А. Хабургаев, указанное время отличалось высокой степенью употребительности и в древнерусских, и в старославянских текстах [1: 299]. Ср.: *Князь же великий **возвратися** ис Коломенского и **поиде** к Москве, и **бысть** на Москве, а братию свою князя Юрья и князя Андрея отпустил по их отчинам по уделам* [17]. Крайне редко аорист может употребляться в значении имперфекта, указывая на протяжность действия: *Они же **воевашия** и **пленишия** многие места по самую Вильну и по сторону Вильны, и за Вильну* [13].

В большем числе случаев установить принцип функциональной закреплённости форм аориста за отрывками текста определенной стилистической окрашенности не представляется возможным. В идентичных контекстных условиях могут использоваться как аорист, так и л-формы. Например, при описании военных баталлий, сцен захвата населенных пунктов в большинстве случаев употребляются л-формы, но параллельно автор может ввести и форму аориста: *Да, **подкопався**, город **сожгли** и воеводу князя Федора Васильевича Овчину Оболенского и иных воевод с собою **свели** и детей боярских, а иных детей боярских и чернь **побиши** безчислено много* [25]. Аналогично и поток аористных форм может сменяться л-формами: *И **взяши** их по повелению по великого князя приятели их и **положиши** их, где же который род кладетца. А боярина и конюшего Ивана Петровича Федоровича в те же поры **ободрана** нага **дръжали**, но бог его **помиловал**, государь его **не велел казнити** за то, что он против государя **встречно не говорил**, а во всем ся виноват **чинил*** [27].

В анализируемом тексте, как и в других летописных памятниках XVI-XVII вв., отмечены клишированные временные формы аориста, используемые в контекстах определенного содержания. Так, в сообщениях о смерти употребляется аорист *преставися*: *Того же лета и **преставися** князь Андрей Иванович на мертвом и железа **отерли*** [26]. При описании рождения детей обнаруживаем глагол *родися*: *Того же лета июля в девятый день **родися** князю Андрею Ивановичю в Старице сын Владимир* [25]. В информативных сюжетах о военных походах князей, прибытии дипломатических посланников используются формы аориста от глаголов *прийти*, *пойти* и *поѣхати* (*поехати*): *Тое же весны в 28 день **прииде** на Москву ... посол имянем Келмалбех князь* [11]; *Лета 7042-го **поиде** князь великий Василей Иванович <...> на память чьдотворца Сергия*

[18]; *Наутрия же князь великий **поиде** к Москве, а брата своего <...> отпустил в свой удел* [19]. В тексте памятника также отмечаются контексты-клише, в которых используются устойчивые сочетания причастий с аористом *бысть*: *Лета 7012 **священа бысть** церковь святого архистратига Михаила и честнаго его **чюдеси*** [8]. Аористные формы в приведённых примерах, по всей вероятности, закреплены за контекстами определенного содержания как своеобразные речевые формулы.

Распространённой особенностью употребления претеритов в памятниках XVI-XVII вв. являются ошибки в формах числа и лица, что, по мнению М.Л. Ремневой, соответствует сниженной церковнославянской норме [11: 231]. Текст исследованного памятника это подтверждает. Нами отмечены следующие случаи нарушения согласования формы аориста с подлежащим: а) в числе: *И ту на них **прииде** князь Дмитрий и **потопта** их и многих **избиши**...* [17]; и б) в лице: *<...> **занеже бо Федець видех**, когда преставление отца его великаго князя Ивана* [22].

Такие нарушения согласования в числе и лице касаются, в основном, только форм аориста. Это подтверждает тот факт, что ко второй половине XVI века в живой разговорной речи аорист был утрачен и представлял собой «традиционную принадлежность книжного повествовательного языка, но уже разложившуюся формально <...> и семантически» [8: 153].

2. ИМПЕРФЕКТ

Простое прошедшее время имперфект обозначал повторяющееся или мыслимое как неограниченное во времени глагольное действие, полностью отнесенное к прошлому. Данное время употреблялось тогда, когда необходимо было сосредоточиться на действии как таковом [1: 301; 4: 29]. В древнерусском языке имперфект имел стяжённые формы. Редкие случаи употребления нестяжённых форм объясняются влиянием старославянского языка. В XVI-XVII вв. имперфект уже «был глагольной формой книжного, а не живого разговорного языка» [8: 148].

В ПЛ нами зафиксировано 47 случаев использования стяжённых форм имперфекта. Нестяжённых форм в данном тексте не обнаружено. Зафиксированные нами формы имперфекта образованы преимущественно от основ НСВ: *плакаху, рыдаху, можяху, лежаше, возхождаху, бяху, стояше, прибаваше, унимаху*. Формы от основ СВ встречаются реже (*просекоху, подняху, заплакаху*), что объясняется особенностями его значения. Обозначая длительное действие, имперфект используется тогда, когда у автора возникает необходимость живописать происходящее действие, сделать это описание эмоционально окрашенным. В ПЛ формы этого времени встречаются в обладающем особой стилистической нагрузкой рассказе о болезни и смерти великого князя всея Руси Василия Ивановича. Ср.: *Князь же великий егда **прииде** ис Колти на Волок, и с Волока в Осифов монастырь в*

каптаны и не исхождаше от постели нимало, но пребываше на постели [19]; Князь же великий на одре лежаши в паперти церковней [19]; И потом конец его приближашися [23]. Однако чаще всего имперфект употребляется в одном контексте с другими прошедшими временами без явно проявляющейся мотивации: *Князь же великий повеле (аорист) на Москве реке мост мостити под Воробьевым противу Нового монастыря, понеже бо тогда река еще не крепка стала (л-форма) и просекоху (имперфект) лед, и столбы бяху (имперфект), и мост намостиша (аорист)* [19]. В ПЛ имперфект используется для передачи следующих значений:

- 1) длительности действия: *Князь же великий на одре лежаши* [19];
- 2) состояния: *болезни же своей не чюяше* [21];
- 3) повторяемости, кратности действия: *и обрашаху его со страны на страну* [19];
- 4) постоянного действия, состояния: *понеже бо давно мысль его предлежаши в чернечество* [20];
- 5) действия, происходившего параллельно с главным: *Тогда же прииде (главное действие) к нему великая княгини Елена, едва же дрѣжаху ея брат его князь Андрей Иванович, а о другую сторону боярыни Олена Ивановна* [22].

Анализ форм имперфекта, представленных в ПЛ, показывает, что в книжно-письменном языке XVI в. эти формы употреблялись крайне редко, что обусловлено не только своеобразием значения данного прошедшего времени, но и его утратой в живой разговорной речи.

3. ПЕРФЕКТ И Л-ФОРМЫ

В исходной системе древнерусского языка перфект обозначал действие, актуальное для момента речи и являющееся результатом действия, совершенного в прошлом [3: 341-342]. При этом перфект представлял собой аналитическую форму и состоял из связки (глагол *быти* в настоящем времени) и действительного причастия на *-л*. Причастия на *-л* свободно образовывались от основ совершенного и несовершенного видов.

Перфект очень рано утратил вспомогательный глагол, что не только разорвало его связь с настоящим временем, но и превратило в простую глагольную форму, так называемую л-форму. Структурные изменения привели к утрате бывшим перфектом исконного результативного значения и к превращению его в универсальное средство выражения прошедшего времени по отношению к моменту речи.

В ПЛ нами зафиксировано 680 случаев употребления форм, соотносимых с перфектом, что составляет 49% от общего количества форм прошедших времен, представленных в анализируемом тексте. Характерно, что только в 22 случаях (3%) используется исконная форма перфекта (преимущественно 1-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч.): *Благословил есми своего Ивана государством, великим княжением...* [22]; *Еще же бе князь велики на Волоци, приказал отцу своему духовному*

<...> чтобы есте того не училили, что вам мене положить в белом платье [20]. Следует обратить внимание на то, что вспомогательный глагол *быти* в 1-м лице ед. числа в ПЛ представлен в форме *есми*, диалектной по своему происхождению. Ф.П. Филин отмечает наличие таких форм в новгородских говорах, причём не только в единственном, но и во множественном числе [13: 466].

Перфект в ПЛ употребляется преимущественно в прямой речи, то есть в соответствии с древнерусской традицией: *Князь же великий призва Николая и и нача ему говорити: «Брате Миколае, видел еси мое великое жалованье к собе <...>»* [21]; *<...> и рече ему князь велики: «<...> И яз крестил его у чудотворца и дал есми его чудотворцу и на руку чудотворцеву его положил.»* [21]. Представляют интерес некие гибридные формы, отражающие смешение перфекта и уже преобразованного сослагательного наклонения, сохранившего от вспомогательного глагола только форму *бы*, ставшую частицей: *Князь же великий Василей Иванович нача говорити <...> и бояром своим: «<...> А вы бы бояре, и боярские дети и княжата, как есте служили нам, так бы есте ныне и впредь служили сыну моему <...> а служили бы есте сыну моему прямо и неподвижно»* [20].

668 примеров, или 97%, составляют так называемые л-формы, то есть причастия на *-л* без связки. Они образованы как от основ глаголов НСВ (*стоял, жил, приходили, крестили, сидел, жеребьевал, говорили, пили, встречали, чаяли, венчал*), так и от основ СВ: *забыл, вспомянул, поругался, собрал, оставил, достиг, отпустил, перевезлися, пожаловал, дал, розослали*.

Л-формы от основ СВ в тексте ПЛ встречается 403 раза и употребляется автором для обозначения разных оттенков прошедшего действия: 1) в исконном значении, обозначая такое действие или состояние предмета в прошлом, результат которого существует в настоящем, или, по мнению С.Д. Никифорова, «каков кто есть в силу прежде совершенного действия» [9: 155]: *И Коломну града достиг* [14]; *А осталось у того пожара на Ильинской улице двор Ивана Петровича* [29]; 2) в аористном значении, при котором обозначаемое действие отодвинуто вглубь прошлого: *<...> а сам пошол король в ту пору к Полотцу со всем нарядом, да ис Полотца отпустил воевод <...> лятцких и литовских* [12].

Перфект, образованный от НСВ, встречается в тексте 277 раз и употребляется: 1) в имперфектном значении, то есть выражает длившееся или повторявшееся в прошлом действие: *И стояли под городом пять недель, подкопывалися под стену под городовую* [25]; 2) в значении аориста, относя описанное действие в прошлое: *<...> уморен бысть гладом, 11 ден не ел* [27].

Таким образом, л-формы в ПЛ используются достаточно последовательно на протяжении всего текста, то есть они являются приоритетным средством выражения значения прошедшего времени.

Это свидетельствует о непосредственном влиянии живой разговорной речи на книжно-письменную традицию.

В заключение отметим, что проведенный нами анализ системы прошедших времен, представленных в тексте Постниковского летописца, позволил установить в качестве превалирующей формы восходящую к перфекту л-форму. Высо-

кую частотность употребления сохраняют и формы аориста. И хотя в целом эта система во многом совпадает с древнерусской, однако структура и особенно значения прошедших времён претерпели существенные изменения, свидетельствующие о разрушении старой системы прошедших времен под давлением живой разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка / Клавдия Васильевна Горшкова, Георгий Александрович Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
2. Живов В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания: Сборник статей / Под ред. К.В. Горшковой, Г.А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 49–98.
3. Иванов И.И. Историческая грамматика русского языка / Валерий Васильевич Иванов. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.
4. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – 437 с.
5. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. – М.: Наука, 1982. – 447 с.
6. Киянова О.Н. Язык памятников позднего русского летописания. Особенности грамматической нормы. Монография. – М.: РПА МЮ РФ, 2006. – 338 с.
7. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 306 с.
8. Никифоров С.Д. Глагол: Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. – М.: Изд-во АН СССР, 1952.
9. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. 34. – С. 8-30.
10. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI – XVII вв.: Учебн. пособие / Ремнёва Марина Леонтьевна. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 336 с.
11. Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533-1547 гг. – Исторические записки. – 1954. – Т.46. – С. 278-288.
12. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Федот Петрович Филин. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
13. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк / Федот Петрович Филин. – Л.: Наука, 1972. – 655 с.
14. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка / Алексей Александрович Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1957. – 400 с.

Adriana Shman'ko

Perfect verbs system in Postnykovskuy manuscript: structure and value

Summary. In the article the author considered the structure and value of perfect verbs system in Postnykovskuy manuscript, which was written in XVI c. The author proves, that Church-Slavonic norm of perfect verbs destruction from influencing of folk Russian.

Key words: aorist, imperfect, perfect, l-form, Church-Slavonic language, folk Russian.